

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ИСЛАМ

**на территории
бывшей
Российской
империи**

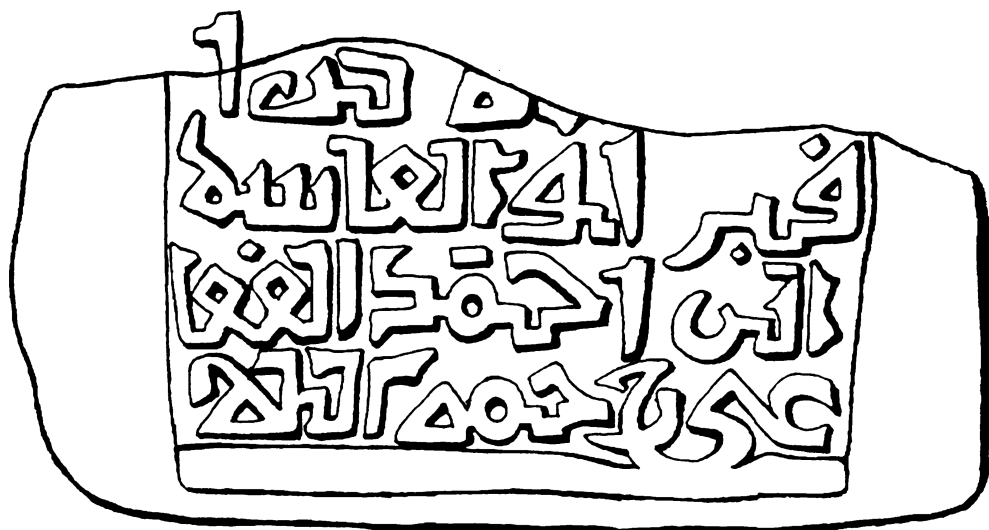
Энциклопедический
словарь

Под редакцией С.М.Прозорова

Том I

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2006

Фрагмент эпитафии Абу-л-Касима ал-Фукка'и.

Уточненная прорисовка А.К.Аликберова с прориси, изданной Л.И.Лавровым
(Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском
и турецком языках. Ч. I. М., 1966, с. 270)

оставались жить в Дербенте в общине своего *шайха* (в частности, Ибн аз-Занджани, Абу-л-Хасан ал-Джурджани и др.).

Много времени ал-Ф. проводил в «исламских центрах» (*ал-маракиз ал-исламийа*) — арабских пограничных поселениях в окрестностях Дербента. В частности, в Хумайдии (совр. Гемейди) он обучал шафи'итскому праву слепого подвижника Мунаббиха ал-Хумайди. О степени известности ал-Ф. за пределами Дербента свидетельствует, в частности, тот факт, что имя этого праведного старца было хорошо знакомо *шайхам* Табаристана. *Суфий-аш'арит* Абу-л-'Аббас Ахмад б. Мухаммад ал-Асадабади (ум. ок. 1096 г.), в свое время обучавшийся в дербентской *завийи*, советовал ученым Табаристана отпра-

виться в Баб ал-абваб выразить свое почтение *шайху*, *факиху* и аскету Абу-л-Касиму ал-Фукка'и.

Ал-Ф. умер и похоронен в Дербенте на Северном кладбище рядом с цитаделью. В 1928 г. надгробие с его могилы обнаружил Е.А.Пахомов. Дата смерти на нем, к сожалению, не сохранилась. Арабский текст эпитафии памятника, изданный Л.И.Лавровым, был прочитан исследователями неточно, а личность погребенного тогда не была установлена.

Лит-ра: *ад-Дарбанди*. Райхан, 1926; Лавров. Эпиграфические памятники, ч. I, 69; Аликберов. Эпоха, 254–256.

А. А.

X

ал-Хаджж (араб. «паломничество») из **Росси** — одна из главных манифестаций принадлежности к мусульманской общине и

один из важнейших элементов взаимоотношений Российского государства и общины мусульман. Труды средневековых мусуль-

манских историков и географов показывают, что у мусульманского населения территорий, вошедших в состав России, на протяжении веков сложилась устойчивая практика ал-Х. Последний играл огромную роль в распространении в России религиозной практики и обычаев мусульман других областей исламского мира. Примером может служить деятельность *шайха* ордена накшбандийа Зайнуллы (Зайн Аллаха) Расулева (1833–1917), который после возвращения из ал-Х. первым ввел в Башкирии громкий *зикр*. Ал-Х. был и важнейшим каналом доставки на территории, вошедшие в Российскую империю, рукописей (позднее — печатных экземпляров) сочинений исламских авторитетов, реально способствуя обмену идеями и взглядами в мусульманском мире.

В конце XIX — начале XX в., когда число мусульманских подданных империи достигло 16 млн. человек (вместе с зависимыми от России Бухарским и Хивинским ханствами), проблема паломничества в Макку/Мекку постепенно приобретала для России все большее значение, и в первую очередь потому, что ал-Х. рассматривался как путь проникновения в Россию панисламских идей. Другие европейские державы также видели в ал-Х. явление прежде всего религиозно-политическое, так что волнения в колониях с мусульманским населением часто связывались с приказом из Мекки.

Согласно сообщениям русских военно-политических агентов, на мусульманских территориях Российской империи существовала отлаженная система организации ал-Х. Районы и области были поделены между «проводниками» (араб. ед. ч. *далил*), имевшими своих «уполномоченных» (араб. ед. ч. *вакил*), которые ежегодно агитировали мусульман совершить ал-Х. и занимались всеми практическими вопросами его организации. Существовавшая система поборов приносила им значительные прибыли.

К концу XIX в. сформировались три главных пути паломничества российскоподданных мусульман: 1) по Закавказью и северной части Персии через Керманшах, Ханекин, Багдад, Карбалу/Кербелу и ан-Наджаф/Неджеф, а затем через пески Аравии к Мекке и ал-Мадине/Медине; 2) через Самарканд и Бухару в Афганистан, далее на Мазар-и Ша-

риф, Кабул, Пешавар, Бомбей, оттуда морем в Джидду и Янбу; 3) через Одессу, Севастополь или Батуми морским путем в Константинополь, Суэц, Джидду и Янбу.

Российскоподданные паломники предпочитали пользоваться старыми турецкими, персидскими, бухарскими или даже китайскими паспортами. Это объяснялось как бюрократическими сложностями, которыми было обставлено получение заграничного паспорта в России, так и периодическим (например, в 90-е гг. XIX в.) запретом выдавать паспорта паломникам в связи с опасной в эпидемическом отношении обстановкой на Востоке. Отсутствие официальных документов не уменьшало числа российскоподданных паломников, но ставило их в зависимость от разного рода проходимцев, бравших с них за паспорта огромные деньги. В своем путешествии паломники могли рассчитывать на помощь соотечественников, осевших в странах, через которые лежал их путь. В Мекке и Медине существовали специальные дома для расселения паломников определенной национальности, основанные и содержавшиеся в значительной степени на средства богатых соотечественников. Паломничество требовало значительных средств, было понастоящему опасным. Мусульманские паломники (в русскоязычной традиции ед.ч. *хаджжи/хаджи/гаджи*, от араб. *хаджж* в том же значении) пользовались среди своих соотечественников глубоким уважением.

Из донесения российского консульства в Джидде следует, что среднее число российскоподданных паломников составляло 8–10 тыс. человек в год (1901 г. — 6 тыс., 1902 — 16 тыс., 1903 — ок. 5 тыс.). Однако определить с достаточной точностью число именно российскоподданных мусульман-паломников представлялось в тех условиях совершенно невозможным, так как преобладающее большинство из них шли без всяких паспортов. В этой связи число российских паломников (шиитов и суннитов) оценивалось приблизительно в 18–25 тыс. человек в год.

Практика ал-Х. в то время была связана с опасностью перенесения в пределы Российской империи опаснейших инфекций чумы, тифа, холеры, эпидемии которых на Среднем Востоке и в Центральной Азии уносили миллионы человеческих жизней. В частно-

сти, с ал-Х. связывали вспышки чумной эпидемии в Астраханской губернии. В январе 1897 г. при Министерстве внутренних дел была создана Особая комиссия по борьбе с чумной заразой, которую возглавил принц А.П.Ольденбургский. В ведение этой комиссии и поступил вопрос об упорядочении паломничества российскоподданных мусульман. Сотрудниками комиссии были изучены донесения об ал-Х. от российского посольства в Константинополе и консульств в Джидде, Машхаде/Мешхеде и Багдаде. В Джидду были командированы врачи Соколов, Далгат, Туланов и Такаев, направлявшие в комиссию свои отчеты. Однако для всесторонней оценки политико-религиозных (особенно в связи с кровавыми событиями в Андижане 1898 г.) и медико-эпидемиологических аспектов ал-Х. было принято решение отправить в Мекку офицера русской армии мусульманского происхождения 'Абд ал-'Азиза Давлетшина. Его «Отчет», опубликованный в 1899 г. с грифом «секретно», представил достаточный объем в целом объективной и тщательно подобранной информации для принятия комплекса верных решений в отношении проблем, связанных с ал-Х. российскоподданных мусульман. Давлетшин попытался развеять существовавшие опасения и имевшиеся в отношении ал-Х. предубеждения, рекомендовав при отсутствии реальной эпидемической опасности не только отказаться от всех запретов, но и облегчить для паломников путь из России в Мекку.

Первоначальный вариант документа по этому вопросу, подготовленный Министерством внутренних дел, в целом следовал такому направлению. Ал-Х. был признан явлением чисто религиозным, интересующим власти в первую очередь в санитарно-эпидемиологическом отношении. Было предложено резко уменьшить пошлину за иностранный паспорт для паломников. На губернаторов предполагалось возложить заботу о создании условий для следовавших не по железным дорогам партий паломников (получение продовольствия по низким ценам, помещений для ночлега и отдыха, обеспечение их врачебной помощью). Предполагалось установить льготную цену на железнодорожные билеты для паломников и организовать их доставку в

Джидду пароходами Русского общества пароходства и торговли. Однако обсуждение этого документа заинтересованными министерствами и губернскими властями привело к появлению в нем ряда формулировок о «мусульманском фанатизме» и нежелательном воздействии ал-Х. на общественно-политическую обстановку в мусульманских областях империи. Большие споры вызвало предложение о направлении и возвращении всех паломников через порты Черного моря и Стамбул. Эта мера, облегчавшая противозидемический контроль, входила в противоречие с попытками воспрепятствовать панисламской пропаганде, центром которой была столица Османской империи. Было снято предложение о льготных железнодорожных билетах для паломников. Однако и после всего этого «Временные правила о паломничестве мусульман» и сопровождавший их документ Министерства внутренних дел показывают, что ал-Х. и паломничество православных христиан в Иерусалим были поставлены, по существу, в равные условия. Ввод в действие этих документов серьезно облегчил ал-Х. из России, и это привело к значительному увеличению числа официально зарегистрированных паломников — до 16 тыс. человек в 1902 г. Хотя тенденция к увеличению числа российскоподданных паломников нарушалась эпидемиями и зигзагами внутренней и внешней политики, она, по-видимому, сохранялась вплоть до Первой мировой войны и революции в России.

До полного закрытия южных границ СССР в начале 30-х гг. ал-Х. из районов Средней Азии и Закавказья продолжался, хотя количество паломников постоянно сокращалось. Сталинская антирелигиозная политика сделала практически невозможным для большинства населения не только ал-Х., но и исполнение других религиозных обязанностей. Велась активная пропаганда, направленная против ал-Х. (см., в частности, работы Л.Климовича).

В годы Великой Отечественной войны, когда потребовалась консолидация сил всего общества, произошло изменение официальной политики в отношении религии. Вновь была открыта часть церквей, мечетей и синагог, а в начале 1945 г. возобновился и ал-Х. из СССР. Первую группу паломников возгла-

вил *муфтий ишан* Бабаханов. С тех пор 20–25 человек советских мусульман совершали ал-Х. ежегодно. Группы формировались непосредственно духовными управлениями и состояли главным образом из *имамов-хатибов* и членов актива мечети. С 1945 по 1990 г. ал-Х. совершили 850–900 человек, что совершенно не соответствовало количеству мусульман на территории СССР (в настоящее время на территории стран СНГ проживают около 60 млн. человек, принадлежащих к десяткам больших и малых народов, исторически исповедовавших ислам; в собственно России, как считают, живут сегодня 12 млн. мусульман, т.е. около 8% всего населения).

Политические процессы периода перестройки породили многочисленные расколы в созданных в советское время Духовных управлениях мусульман (ДУМ), которые официально представляли верующих и координировали работу *имамов*. В связи с принципиальным упрощением правил выезда и въезда открылись новые возможности для громадного числа мусульманских паломников из СССР, а сегодня соответственно из стран СНГ. Однако ДУМ не сумели организовать и координировать ал-Х. Группы набирались по семейному принципу, появились факты спекуляции возможностью совершить паломничество. Инициативу взяли в свои руки многочисленные исламские культурные центры, национально-культурные объединения, прямо или косвенно связанные с исламом. Именно они стали заниматься организацией ал-Х. на деньги, выделяемые зарубежными исламскими центрами. В экономических условиях рубежа 80–90-х гг. ал-Х. мог стать мероприятием, выгодным в материальном отношении. Паломники везли с собой на продажу десятки килограммов груза. Все это порождало многочисленные злоупотребления, вызывало законное негодование верующих и даже волнения (например, в Махачкале в июне 1991 г.).

Практика ал-Х. в постперестроечное время как одна из главных манифестаций принадлежности к общине отразила всю противоречивость и сложность ситуации. Анализ опубликованных в печати воспоминаний паломников показывает, что в абсолютном большинстве случаев последние имеют весь-

ма скромные представления даже о ритуальной стороне ал-Х. и, как правило, лишь повторяют действия руководителя группы. За более чем 70 лет из коллективной памяти стерлись многочисленные предания, верования и обычаи, связанные с ал-Х. и зафиксированные в воспоминаниях паломников XVIII–XIX вв.

Среди верующих сохраняется огромный энтузиазм в отношении ал-Х. Люди пытаются попасть в Мекку любыми способами. В январе 1992 г. 29 жителей узбекского города Наманган на десяти «Ладах», преодолев в общей сложности 15 тыс. км, добрались до Мекки и Медины и совершили «малое паломничество» (араб. *'умра*). При этом они опирались как на помощь российской благотворительной организации, так и на поддержку узбекских землячеств в тех странах, по которым проходил их маршрут. Основная масса паломников добирается до Мекки за счет иностранных и отечественных спонсоров, в ряде случаев при содействии государства, которое предоставляет льготные авиабилеты, обеспечивает переезды паломников внутри страны и т.п. Что касается иностранных спонсоров, которые несут основное бремя расходов по организации ал-Х. из стран СНГ, то помимо желания помочь мусульманам из бывшего СССР ими часто движет и борьба за сферы влияния. Так, иранская транспортная компания организовала для паломников специальные рейсы через Иран и далее по морю в Саудовскую Аравию. Активную материальную помощь для совершения ал-Х. оказывает бывшим советским мусульманам и Турция.

В 1992 г. Саудовская Аравия выделила 35–36 млн. долл. на то, чтобы принять 17 тыс. паломников из стран СНГ, причем все расходы на прием 13 тыс. из них были покрыты саудовской стороной (для сравнения: в 1991 г. лишь 1,5 тыс. советских мусульман совершили ал-Х. на аналогичных условиях). Точной статистики нет, но из сопоставления этих цифр и исходя из того, что по меньшей мере 90% паломников могли осуществить поездку лишь за счет принимающей стороны, можно сделать вывод, что число паломников за год должно было возрасти по крайней мере в 10 раз. Аналогичную цифру дает и сравнительная статистика

по регионам. Таким образом, в 1992 г., по-видимому, был достигнут средний уровень предреволюционных лет, который следует считать естественным для того времени. С учетом двукратного роста населения, всплеска религиозности и значительного облегчения транспортного сообщения с Аравией по сравнению с той эпохой естественным для нынешних условий следует считать уровень в 35—50 тыс. человек в год.

По-видимому, в упомянутую выше цифру (17 тыс.) входят и лица, совершившие «малое паломничество». При этом прослеживается отчетливая тенденция трактовать последнее расширительно. Обычно паломники из СНГ стремятся в ходе «малого паломничества» исполнить и ритуалы «большого паломничества» — ал-Х.

Лит-ра: *А. Вамбери*. Путешествие по Средней Азии. М., 1865; *П. И. Пашино*. Мусульманские пилигримы в Джидде (Путешествие по Аравии) // *Новости*. СПб., 1877, № 282; *М. Миропиев*. Религиозное и политическое значение хаджа, или священного путешествия мухаммедан в Мекку, для совершения религиозного празднества. Казань, 1877; *Г. Саблуков*. Рассказы мухаммедан о кыбле. Казань, 1889; *Феннер*. О паломничестве мусульман в Мекку // *Туркестанские ведомости*. Таш., № 29, 1895; *Г. Ишаев*. Мекка — священный город мусульман (рассказ паломника) // *Вестник Средней Азии*, Таш., 1896 (ноябрь, 61–81; декабрь, 45–83); Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб., 1899; *Яров-Равский*. Паломничество (хадж) в Мекку и Медину // *Материалы по мусульманству*. Таш., 1899, вып. 5; *Вл. Череванский*. Хадж (с русской точки зрения) // *Российский государственный исторический архив*, ф. 1298, оп. 1, л. 5–11; *Временные правила о паломничестве мусульман* // Там же, ф. 1298, оп. 1, л. 14–38; *Хаджи Салим Гирей Султанов*. Священная область мусульман в Аравии. М., 1916; *Л. Климович*. Курбан-байрам. Праздник жертвоприношения и паломничество мусульман в Мекку. М., 1933; *Ф. Мухаммадиев*. Путешествие на тот свет, или Повесть о великом хадже. М., 1969; *М. Заргишев*. У порога священной Каабы // *ИВ*. 1992, 7, 2–9; он же. На священной земле Мекки и Медины // Там же. 1992, 8, 13–16; Паломники из Туркменистана // Там же. 1992, 12, 21; Из умры возвратясь // Там же, 1992, 2, 19–20; Умра — впервые за много лет // Там же. 1992, 1, 23; Казахстанские мусульмане отправились в Мекку // Там же. 1992, 10, 19; Подготовка к хаджу // Там же. 1992, 8, 21; Ю. Зинин. 15 000 км до святых мест и обратно // Там же. 1992, 6, 17–18; Широ-

ким потоком // Там же. 1992, 10, 19; *Е. Резван*. Ал-Хаджж кабл ми'ат сана. Ар-рихла ас-сиррийа ли-д-дабит ар-русий 'Абд ал-'Азиз Давлетшин ила Макка ал-мукаррама. Бейрут, 1993.

Е. Р.

ал-Хадир (или ал-Хидр, араб.; перс.-тадж. Хизр/Хезр/Хидир; каз. Хызр; татар. Хизыр; кирг. Кдр; тур. Хидир/Хызыр; хинди Хиджир/Х^аджа Хизр, Раджа Кидар) — персонаж устных преданий и мусульманской книжной традиции. Титулы героя — *худжа/ходжа* (перс.-тадж., «господин», «хозяин», «повелитель», «досточтимый»), *хазрат* («святой», «пророк», синоним *наби/нейгамбар*), он же *вали* (араб., мн. ч. *аулийа'*) — «друг Аллаха», «святой», «покровитель», в суфийской литературе — *накиб ал-аулийа'* («старейшина/глава святых»); в тюркоязычной среде его величают *ата* (букв. «отец»; «праотец», синоним перс. *пир*). Принято считать, что к ал-Х. относится и коранический безымянный «раб из рабов Наших» (Коран, 18:64/65).

В народных рассказах и общемусульманских книжных повествованиях герой предстает в двойном аспекте — материально-телесном и бестелесно-духовном, сочетает в себе мифическое и событийное, действительное и чудесное. Как духовность — незрим, подлинно небесный, творец, носитель света, дающий праведным хлеб насущный, обитает на седьмом небе у престола Аллаха, бессмертен, живет вечно, не нуждается в пище, вездесущ и всемогущ (разрушитель неба колдунов и демонов), путешествует между небом и землей на белом (или сером в яблоках) коне, предстает ангелоначалником, подобием благовеста, купается в «Источнике Бессмертия», воплощает божество вод и растительности и вообще плодородия и т. д.

Как телесность — зрим, подлинный носитель земных черт, пророк, святочеловек, смертен, его могила, по преданию, в Верхнем Египте (В. В. Бартольд), по одной версии, он — потомок Сама, сына Нуха/Ноя, жил до бытия рода Исраила и Исхака, во времена Ибрахима/Авраама (его звали Урмайа или Илийас, приводится и форма его имени Талийан или Илия), по другой — потомок перса и гречанки, повар и спутник Александ-